

— Что?

— Седьмая декларация, статья пятая, чётко гласит: всех новорождённых и искусственно изменённых младенцев, рождённых в Гнезде Дунлин, следует воспитывать на основе строгого отбора, распределяя среду их дальнейшего выращивания по принципу выживания сильнейшего. Вот почему я вырос в Улье Восток-1, а ты — в Улье Восток-30.

В этот момент Чу Сун почему-то почувствовал, что всё это уже не так удивительно, однако бурю в его душе было всё ещё трудно унять.

— Вот почему я говорил: люди всегда бессердечны, — Мума бессильно и легко вздохнул. — Но, к счастью, в конце концов мы всё-таки встретились.

Чу Сун подошёл ближе к рядам сосудов для культивации и заворуженно, остекленевшим взором уставился на плавающих внутри младенцев. Бормоча себе под нос, он произнес:

— Ты хочешь сказать, что с самого рождения я был бракованным?

— Нет, не так. Я же сказал: мы оба — модифицированные люди, — взгляд Мумы тоже помрачнел. — В отличие от искусственных младенцев, которых ты видишь сейчас, мы родились от матерей нормальными людьми, просто...

Голос Чу Суна стал напряженным и хриплым:

— Просто что?

— Просто после того, как мы отделились от матери, когда нас подвергли модификации, мне повезло больше — меня переделали в успешный экспериментальный образец, отвечающий потребностям человеческого развития.

— А ты, Чу Сун, моя любовь, — ты оказался экспериментальным браком, негодным отбросом, который, по словам этой хладнокровной своры, не способен способствовать прогрессу человеческого общества.

Чу Сун онемел. На него внезапно обрушился такой поток информации, что он даже не знал, за что хвататься первыми: то ли убеждаться в том, что он бракованный товар, то ли опровергать заявление Мумы о том, что он его любовь.

— Но для меня ты не брак.

Мума сделал резкий шаг вперед и оказался прямо перед Чу Суном.

— Ты полноценный человек, мое эмоциональное просвещение.

На лице Мумы не осталось и следа прежнего неуловимого выражения, его сменила искренность, в которой все отчетливее проступали глубокие чувства.

Однако Чу Сун отступил на шаг назад, покачал головой и, судорожно скривив уголки рта, выдавил из себя:

— Зачем ты мне всё это рассказываешь?..

— В этом мире остались только мы двое, — Мума перехватил чужое запястье. — Только благодаря тебе я стал настоящим человеком.

Чу Сун совершенно не хотел вникать в то, что именно Мума вкладывал в эти слова. Он попытался вырваться:

— Какое мне до этого дело?

— Пять лет назад в Такла-Макане мы расстались.

Глаза Мумы, прежде такие чистые и ясные, теперь заволокла легкая пелена влаги.

Чу Сун понимал собеседника всё меньше и меньше:

— Какой еще Такла-Макан? Я никогда не был в пустыне и в Синьцзяне не бывал! Хватит нести чушь, ты можешь хотя бы...

— Нет, не так, — Мума одной рукой подцепил Чу Суна за подбородок. — Ты соврал мне, будто больше не хочешь жить в сухом и безжизненном Такла-Макане, и потребовал расставания. Я...

— Что за бред! — гневно перебил его Чу Сун. — Я же сказал, что совсем тебя не знаю!

Мума резко обхватил Чу Суна за талию и, приложив небольшое усилие, притянул к себе, увлекая в объятия. Поддержав его за затылок, он с застывшим на лице недовольным выражением припал к его губам.

Чу Сун яростно оттолкнул его и тут же с безгливостью принялся остервенело тереть тыльной стороной ладони место, которого тот коснулся губами.

— Те несколько лет, что меня продержали в Исламабаде, я безумно по тебе скучал.

Лицо Мумы было бесстрастным, но боль, таившаяся в его выражении, казалось, могла почти физически передаться любому, кто на него посмотрит.

Чу Сун без всякого веселья дважды коротко и сухо хохотнул:

— Могу ли я расценивать твой бред как проявление у гения дефектов в сфере общения?

Во взгляде Мумы вспыхнула острая вспышка глубокого разочарования. Он резко сорвал с шеи синий клетчатый шарф и, аккуратно сложив его, отложил в сторону.

Чу Сун не сдвинулся с места, наблюдая, как следом тот снимает куртку на ватине, а затем и надетый под ней шерстяной свитер с высоким горлом.

Когда Мума стянул последнюю майку и его торс полностью обнажился, Чу Сун наконец насторожился:

— Ты что удумал?!

— Мы ведь еще не были вместе, так что не переживай понапрасну, я не собираюсь спешить и заканчивать всё наскоро, прямо здесь, — Мума вымученно улыбнулся, и на мгновение даже показалось, что он немного смущен.

Телосложение у Мумы было отменным: если судить исключительно по лицу, могло показаться, что фигура у него чересчур хрупкая, но стоило ему раздеться, как обнаружилось, что все положенные мышцы на месте — ни больше ни меньше, а обе руки отличались достаточной длиной и сильными, гармоничными пропорциями.

Впрочем, у Чу Суна не было ни малейшего желания любоваться телом человека, который то и дело норовил подвергнуть его сексуальным домогательствам:

— Мне не нравятся такие, как ты. Твои попытки соблазнить меня бесполезны, оставь это занятие.

Но вместо ответа Мума развернулся и подставил под взгляд Чу Суна свою спину.

Рот Чу Суна, уже приготовившегося что-то высказать, слегка приоткрылся, а затем медленно захлопнулся.

— Жуткое зрелище, да? — опущенные руки Мумы чуть шевельнулись.

Его белая и крепкая спина была сплошь иссечена разнообразными мясными шрамами разной

длины, однако больше всего привлекал внимание выбивающийся на мышечном рельефе ряд черных буквенно-цифровых символов: PR-AAA00002.

Прямо под этим кодом красовался круглый шрам размером с человеческую ладонь; судя по внешнему виду, казалось, будто его выжгли раскаленным железом.

— Что... это? — голос Чу Суна заметно ослаб.

Мума опустил голову, скрывая от стоящего за спиной человека выражение охватившего его унижения.

— Мой тюремный номер.

Чу Сун по-прежнему ничего не понимал из того, что толковал этот человек, но при этом отчаянно хотел протянуть руку и проверить, настоящие ли шрамы на его спине.

— Вскоре после того, как ты предложил мне расстаться, меня забрали люди из Международного управления научно-исследовательского развертывания. Они отвезли меня в Ливийскую пустыню, и то, что ты видишь на моей спине — это мой лагерный номер.

Чу Сун бессознательно сделал несколько шагов вперед и теперь отчетливо разглядел выпуклые буквы, выжженные поверх шрама на спине Мумы.

ISLAMABAD PRISON — Исламабадская тюрьма.

Кое-что об Исламабадской тюрьме Чу Сун слышал, но слухи эти ограничивались лишь тем, что данное место считалось наводящим ужас современным концентрационным лагерем на Пустом Шаре, созданным якобы для проведения исследований над антиприродными видами. Впрочем, в реальное существование Исламабадской тюрьмы никто толком не верил, воспринимая её не иначе как очередную городскую легенду.

Позади долго стояла тишина, и Мума уже решил, что собеседник снова счел его слова за шутку, как вдруг спину неожиданно обдало легким холодком.

Это была рука Чу Суна.

Когда Чу Сун воочию коснулся бугристых, переплетенных шрамов на спине Мумы, его сердце пропустило удар.

— Исламабад... и правда существует?

<http://bllate.org/book/27913/3382849>